CH

DVIZHUSHIIA SILY I PERSPEKTIVY RUSSKOI REVOLIUTSII

★

KAUTSKY

Kautsky, Karl

127/867

К. КАУТСКІЙ.

Движущія силы и перспективы русской революціи.

Отвѣтъ Г. В. Плеханову на вопросы, поставленные въ его анкетѣ по поводу избирательныхъ соглашеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій пр., д. 5.

Движущія силы и перспективы русской революціи.

К. Каутскій.

(Перводъ С. Роттера.)

I.

Аграрный вопросъ и либералы.

Русскую революцію можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ движеніе, направленное къ низверженію абсолютизма, и какъ пробужденіе широкихъ массъ русскаго народа къ самостоятельной политической дѣятельности. Первая точки зрѣнія затрагиваетъ только поверхность явленій: съ этой точка зрѣнія могло бы показаться, что революція потерпѣла крушеніе. Но о дѣйствительномъ пораженіи революціи могла бы быть рѣчь только тогда, если бы движеніе, разсматриваемое также и со второй точки зрѣнія, могло считаться оконченнымъ. Если бы удалось вернуть русскій народъ къ его прежнему политическому индифферентизму, тогда, конечно, побѣда была бы на сторонѣ абсолютизма и игра революціи была бы проиграна. Но если это не удастся, то побѣда революціи обезпечена, даже и въ томъ случаѣ если бы абсолютизмъ сумѣлъ еще на нѣкоторое время удержать въ своихъ рукахъ призракъ власти путемъ истребленія своего народа, расточенія народнаго богатства и опустошенія страны.—

Но главную массу русскаго народа составляютъ крестьяне; то, что наиболѣе волнуетъ эту массу, это — аграрный вопросъ. Благодаря этому аграрный вопросъ выдвигается все болѣе и

болѣе на первый планъ, какъ тотъ именно вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ судьба революціи. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно въ отношеніи населенія центральной Россіи, которую мы здѣсь только и имѣемъ въ виду, но не Польши, Финляндіи и Кавказа.

Въ Россіи крестьяне составляютъ не только громадную массу населенія, но на земледѣліи покоится также все зданіе народнаго и государственнаго хозяйства, а поэтому вмѣстѣ съ первымъ должно рушиться и второе. Изъ всѣхъ западно-европейскихъ буржуазныхъ наблюдателей революціоннаго состоянія Россіи это удалось ясно показать только одному Мартину въ его книгѣ «О будущности Россіи» и на этомъ именно наблюденіи основано пророчество Мартина о неизбѣжности русскаго государственнаго банкротства, — пророчество, которое произвело недавно въ Германіи столь сильную сенсацію, разумѣется, только въ буржуазныхъ кругахъ, не знавшихъ ничего о соціалистической критикѣ русской экономической политики *).

Удовлетворить крестьянъ, дать сельскому хозяйству здоровое экономическое основаніе—вотъ то предварительное условіе, которое должно быть выполнено для того, чтобы населеніе Россіи успокоилось и покинуло революціонные пути.

Это признаютъ въ настоящее время почти всѣ партіи въ Россіи. Но, конечно, онѣ очень расходятся въ вопросѣ о тѣхъ мѣрахъ, какими они думаютъ помочь крестьянамъ. Что касается позиціи либераловъ въ этомъ вопросѣ, то о нихъ нѣмецкій читатель можетъ получить ясное представленіе изъ недавно появившейся книги «Къ аграрному движенію въ Россіи» **), содержащей въ себѣ переводъ двухъ русскихъ статей: Петрункевича, извѣстнаго лидера «кадетовъ», и московскаго профессора А. А. Мануйлова, равно какъ обзоръ аграрныхъ программъ различныхъ русскихъ партій.

---

*) Рудольфъ Мартинъ. Будущее Россіи, Лейпцигъ.

**) Лейпцигъ, издательство „Тевтонія".

Какъ и всѣ остальныя партіи, либералы тоже признаютъ фактъ отсталости и упадка русскаго сельскаго хозяйства.

«Наши самые высокіе сборы хлѣбовъ, говоритъ Мануйловъ, приблизительно вдвое меньше сборовъ въ другихъ странахъ. Если въ Россіи средній сборъ хлѣбовъ мы примемъ за 100, то таковой въ другихъ странахъ составитъ для ржи — 230, пшеницы—280 и овса—277 и т. д. Чистый сборъ хлѣбовъ и картофеля на среднюю посѣвную площадь русскаго крестьянина (0,74 дес.), составляетъ 20,4 пуд., между тѣмъ, какъ въ другихъ странахъ съ такой же площади получается 56,9 пуд., въ Бельгіи даже 88 пуд., въ Соединенномъ королевствѣ (Англія)— 84,4 пуд., въ Японіи — 82 пуд. и т. д... А. И. Чупровъ указываетъ также на то, что наши сборы на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пуд. на десятину такъ низки, что даже самыхъ простыхъ и общедоступныхъ улучшеній достаточно было бы для того, чтобы сборъ повысить на половину его настоящаго уровня.

Но техника располагаетъ несравненно болѣе могучими средствами. Сборъ въ 30 метрич. центнеровъ съ гектара или 200 пуд. съ десятины считается очень низкимъ въ странахъ съ развитой техникой». (стр. 61.)

И это положеніе не улучшается, но все больше ухудшается. Мануйловъ продолжаетъ дальше: «Въ настоящее время у крестьянъ, какъ отмѣчаетъ министерство земледѣлія, очень малое количество скота, а безъ него не можетъ существовать сельское хозяйство. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи количество лошадей за 10 лѣтъ, съ 1888 по 1898 г. упало съ 19,6 милліоновъ до 17 м. и крупнаго рогатаго скота—съ 34,6 мил. до 24,5 мил. Мѣстные комитеты способствовали выясненію этихъ условій и подтвердили сказанное. По ихъ свѣдѣніямъ, въ Нижегородской губ. навозу у крестьянъ хватаетъ только на 1/5—1/4 надѣла, вслѣдствіе чего и средній сборъ хлѣба необыкновенно низокъ: 38 мѣръ ржи и 49 мѣръ овса. Въ михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи унавоживается только 1/10—1/5 площади на-

дѣла. Въ клинскомъ уѣздѣ Московской губ. унавожено земли въ два съ половиною раза менѣе, чѣмъ этого требуетъ нормальная площадь» (стр. 63).

Въ признаніи значенія этихъ фактовъ либералы и соціалисты вполнѣ единодушны.

Но либеральная половинчатость сейчасъ же даетъ себя знать, какъ только дѣло доходитъ до уясненія *причинъ* явленій и до выработки мѣръ борьбы съ ними. Половинчатость въ послѣдней области диктуется ихъ классовымъ положеніемъ; но она же неизбѣжно обусловливаетъ нерѣшительность и въ первой области. Кто не имѣетъ достаточно мужества, чтобы вырвать зло съ корнемъ, тотъ, конечно, не можетъ рѣшиться обнажить его истинные корни.

Либералы видятъ причины упадка русскаго земледѣлія въ способѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 г. Крестьянство было тогда обманнымъ путемъ лишено части находившейся въ его владѣніи земли; оно было и, вообще, надѣлено землей въ недостаточной степени и, притомъ, по большей части, землей плохого качества. Если уже тогда крестьянскіе надѣлы были недостаточны, то они еще сильно сократились съ того времени вслѣдствіе быстраго роста населенія.

Мануиловъ такъ говоритъ объ этомъ: «Въ 1860 г. сельское населеніе составляло 50 мил. душъ, а въ концѣ 1900 г. оно достигаетъ уже 86 милліоновъ... Параллельно съ ростомъ населенія уменьшалась и средняя величина надѣла... По даннымъ «Коммиссіи для изслѣдованія причинъ оскудѣнія центра» средній надѣлъ на душу (мужскую) въ 1860 г. равнялся 4,8 десятинъ (5 гект.). Въ 1880 онъ уменьшился до 3,5, а въ 1900 до 2,6 десят.». Изображенные здѣсь факты — чистая истина; но для пониманія причинъ упадка крестьянскаго хозяйства это только половина истины.

Такая же судьба, какъ и въ Россіи, постигла раньше этого крестьянъ въ другихъ странахъ: у нихъ также была отнята обманнымъ образомъ ихъ собственность. Это привело въ другихъ

государствахъ къ гибели крестьянскаго производства, но, никоимъ образомъ, не къ упадку сельскаго хозяйства, не къ ухудшенію сельскохозяйственнаго производства, взятаго въ цѣломъ, не къ увеличенію числа неурожаевъ. Напротивъ. Обѣдненіе крестьянъ въ тѣхъ странахъ создало сельскій пролетаріатъ, существованіе котораго, при наличности товарнаго производства, образовало одну изъ предпосылокъ для капиталистическаго сельскаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ. Это обѣдненіе привело къ тому, что одна часть крестьянъ растворилась въ пролетаріатѣ, тогда какъ другая на счетъ первой достигла благосостоянія. На развалинахъ разрушенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ выросъ новый, высшій способъ производства. Въ Россіи же все это существуетъ лишь въ зачаточномъ видѣ. Отчего это происходитъ? Этотъ вопросъ имѣетъ рѣшающее значеніе.

Не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ обвинять общину въ томъ, что она явилась главнымъ тормазомъ на пути къ образованію капиталистическаго сельскохозяйственнаго производства. Община переживала процессъ быстраго разложенія и не могла поэтому задержать процесса образованія въ нѣдрахъ сельскаго населенія безземельнаго пролетаріата — на одной сторонѣ, и ростовщиковъ — на другой, а также помѣшать развитію въ деревнѣ капиталистической эксплоатаціи въ самыхъ разнообразныхъ и отвратительныхъ ея формахъ.

Вслѣдствіе этого общинное землевладѣніе въ Россіи не можетъ въ настоящее время считаться сколько-нибудь дѣйствительнымъ оплотомъ противъ вторженія капиталистическаго производства въ русское сельское хозяйство.

Всѣ условія для капитализаціи сельскаго хозяйства были на лицо уже десятки лѣтъ тому назадъ, кромѣ двухъ — и это наиболѣе важныя изъ всѣхъ: отсутствовала, прежде всего, до настоящаго времени надлежащая *интеллигентность* земледѣльческаго населенія, т. е. способность выйти за предѣлы привычнаго и выбрать съ увѣренностью изъ представлявшихся новыхъ путей наиболѣе цѣлесообразные и дѣйствительные, что

требуетъ цѣлаго ряда знаній и методовъ, которыхъ нельзя пріобрѣсти безъ хорошаго школьнаго образованія. А, во вторыхъ, отсутствовалъ и самый *капиталъ*, т. е. необходимыя денежныя средства. Такимъ образомъ, не было на лицо именно тѣхъ двухъ условій, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для развитія капиталистическаго производства. Въ особенности последнее, т. е. накопленіе достаточной массы денегъ въ однѣхъ рукахъ, есть самое необходимое изъ всѣхъ: безъ него не мыслимо развитіе на почвѣ товарнаго хозяйства высшихъ формъ производства, основанныхъ на приложеніи науки къ производству.

На ряду съ недостаткомъ интеллигентности, недостатокъ капитала является главной причиной сельскохозяйственнаго кризиса въ Россіи. Крестьянское малоземелье объясняетъ, почему крестьяне бѣднѣютъ, почему крестьянство разоряется; но оно не объясняетъ, почему крестьяне, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ свое производство при все болѣе ухудшающихся условіяхъ, почему на ихъ мѣсто не возникаетъ класса зажиточныхъ сельскихъ хозяевъ, которые скупали бы пришедшія въ упадокъ крестьянскія хозяйства и вели бы раціональное и снабженное достаточными денежными средствами хозяйство, почему даже болѣе крупныя хозяйства ведутъ производство нераціонально и безъ достаточнаго капитала, и не вытѣсняютъ разрушающіяся крестьянскія хозяйства.

Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

II.

Недостатокъ капитала въ Россіи.

Когда спрашиваютъ о причинахъ экономической и интеллектуальной отсталости Россіи, то на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить просто указаніемъ на то, что современный способъ про-

изводства сравнительно недавно возникъ въ Западной Европѣ и только очень медленно проникаетъ на Востокъ. Ибо тогда сейчасъ же возникаетъ новый вопросъ, *почему* же онъ такъ медленно проникаетъ на востокъ. Уже въ то время, когда Россія вступила въ болѣе близкія сношенія съ Западной Европой, земледѣліе ея находилось почти на современномъ его уровнѣ, а страна была населена многочисленнымъ и трудолюбивымъ крестьянствомъ. Напротивъ, Сѣверная Америка представляла тогда некультурную территорію, на которой влачило жалкое существованіе нѣсколько дикихъ племенъ и, тѣмъ не менѣе, Америка за это время успѣла сдѣлаться крупнѣйшей капиталистической страной міра.

Причинъ этого различія много, но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ противоположности политической организаціи той и другой страны. Америка была заселена колонистами — крестьянами и горожанами,—которые у себя на родинѣ вели борьбу за демократическій строй противъ поднимающаго голову абсолютизма и предпочитали свободу въ пустыняхъ Америки подчиненію абсолютистской государственной власти въ цивилизованной Европѣ. Россія же представляла изъ себя массу безчисленныхъ деревенскихъ общинъ, изъ которыхъ каждая довольствовалась демократизмомъ *внутри* общины, нисколько не заботясь о другихъ, и, обладая очень смутнымъ представленіемъ государственной власти, спокойно предоставляла эту власть абсолютному повелителю, войска котораго освободили ее отъ монголовъ и должны были охранять и отъ другихъ внѣшнихъ враговъ.

Въ Америкѣ — безграничная политическая свобода, которая обезпечивала возможность свободнаго проявленія дѣятельности каждаго гражданина, а для колонистовъ, переселившихся изъ Европы — совершенно новыя условія, борьба съ которыми требовала крайняго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ индивида, полной свободы самодѣятельности каждаго и полнаго отрѣшенія отъ безчисленныхъ предразсудковъ европейской жизни.

Въ Россіи, наоборотъ, — въ продолженіе столѣтій не только ни малѣйшаго слѣда политической свободы, не только полицейская опека надъ обывателемъ на каждомъ шагу, какъ только онъ выходилъ за предѣлы деревенской общины, но и полное отсутствіе въ массѣ населенія потребности свободнаго проявленія своей личности. «Здоровый растительный сонъ», прозябаніе въ унаслѣдованныхъ узкихъ рамкахъ жизни, которыя не измѣнялись въ теченіе поколѣній, и которыя, парализуя всякую энергію способствовали лишь укорененію предразсудковъ,—таковы были главныя черты русской жизни. Въ то время какъ, условія жизни европейскаго населенія Сѣверной Америки воспитывали въ немъ душевныя качества, обезпечивающія человѣку побѣду въ капиталистическомъ способѣ производства, и благопріятствовали развитію послѣдняго; въ Россіи жизненная обстановка вырабатывала въ населеніи такія свойства, которыя могли вести только къ пораженію въ капиталистической борьбѣ за существованіе и задерживали капиталистическое развитіе.

Ко всему этому еще въ Россіи со времени Петра Великаго правительствомъ проводилась въ жизнь такая политика, на послѣдствія которой я указывалъ уже въ статьяхъ объ американскомъ рабочемъ, именно въ главѣ о русскомъ капитализмѣ (Neue Zeit, 24 т. стр. 677).

Здѣсь я могу только повторить сказанное тамъ. Петръ I открылъ Россію для европейской цивилизаціи, т. е. для капитализма, но онъ же ввелъ Россію въ кругъ европейскихъ великихъ державъ, запуталъ ее въ ихъ конфликты, принудилъ ее вступить съ ними въ соперничество за военное преобладаніе на сушѣ и на морѣ. Это произошло въ то время, когда въ Западной Европѣ капитализмъ уже успѣлъ вполнѣ укрѣпиться, и производительныя силы мощно развернуться.

Тѣмъ не менѣе, и въ Западной Европѣ соперничество за военное преобладаніе привело къ банкротству рядъ державъ, какъ, напр., Испанію и Португалію, и задержало экономическое развитіе во многихъ другихъ странахъ; одна Англія, которая

благодаря своему островному положенію избѣгла неизбѣжнаго истощенія въ сухопутныхъ войнахъ, могла обратить всѣ свои рессурсы на развитіе военнаго флота, сдѣлалась владычицей морей, извлекая громадныя выгоды изъ морскихъ грабежей, торговли рабами, контрабанды, расхищенія богатствъ Индіи, и, такимъ образомъ, сдѣлала войну высоко прибыльнымъ занятіемъ и орудіемъ накопленія капитала, подобно тому, какъ для Франціи ея позднѣйшія революціонныя войны дали возможность побѣдо ным войскамъ республики и имперіи разграбить богатѣйшія страны европейскаго континента—Бельгію, Голландію и Испанію и набрать громадную добычу также и въ другихъ странахъ.

Такихъ выгодныхъ войнъ Россіи не приходилось вести. Въ своемъ развитіи въ качествѣ морской державы она встрѣтила рядъ препятствій, а на сушѣ она граничила лишь съ бѣдными сосѣдями. Если бы ей удалось одолѣть Японію и проложить себѣ такимъ образомъ путь къ поглощенію Китая, то въ первый разъ со времени своего выступленія въ міровой исторіи въ качествѣ европейск.й державы она могла извлечь изъ войны громадныя экономическія выгоды. Но иронія исторіи хотѣла, чтобы именно эта война завершила ея банкротство.

Будучи экономически самой слабой и самой отсталой изъ всѣхъ европейскихъ великихъ державъ, Россія принуждена была добывать средства путемъ крайняго напряженія платежныхъ силъ нищаго населенія для поддержанія своего престижа въ Европѣ, и, такимъ образомъ, сдѣлать для него невозможнымъ всякое накопленіе богатства. Вскорѣ къ милитаризму присоединились еще и государственные долги, которые съ своей стороны способствовали усиленному расхищенію народнаго богатства.

Ни въ какой странѣ міра, даже въ самой богатой, одинъ доходъ съ налоговъ не можетъ дать достаточно средствъ для расходовъ, которые вызываются время отъ времени потребностями милитаризма и достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ во

время войны и весьма значительныхъ при военныхъ приготовленіяхъ, перевооруженіяхъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ государственные займы издавна являются испытаннымъ способомъ для немедленнаго полученія средствъ на покрытіе болѣе значительныхъ издержекъ. Уплата процентовъ по государственнымъ займамъ ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе, но она можетъ сдѣлаться источникомъ обогащенія класса капиталистовъ страны, если этотъ послѣдній является кредиторомъ государства. Государство экспропріируетъ тогда трудящіеся классы, чтобы обогатить классъ капиталистовъ, умножаетъ богатства послѣднихъ и въ то же время увеличиваетъ число пролетаріевъ, предоставляемыхъ въ ихъ распоряженіе. Но въ Россіи не было класса капиталистовъ, который былъ бы въ состояніи удовлетворить нужду государства въ капиталахъ, а непрерывный податной гнетъ сильно затруднилъ образованіе класса капиталистовъ. Поэтому, для пополненія государственной кассы, которую опустошалъ ненасытный милитаризмъ, пришлось обратиться къ услугамъ иностранныхъ капиталистовъ. Занятые у нихъ капиталы шли не на производительное употребленіе, а на игру въ солдатики и на поддержаніе придворнаго блеска. Проценты же на занятые капиталы уплывали изъ Россіи заграницу и наряду съ милитаризмомъ повели къ образованію на тѣлѣ Россіи второй, все болѣе и болѣе расширяющейся зіяющей раны через которую вытекала жизненная кровь Россіи.

Крымская война съ ея послѣдствіями привела русское правительство съ начала 60-хъ годовъ 19-го столѣтія къ сознанію того, на какихъ глиняныхъ ногахъ держится колоссъ ея могущества, ибо развитіе дипломатическихъ и военныхъ силъ на болѣе или менѣе продолжительное время невозможно безъ одновременнаго развитія экономическихъ силъ страны. Но эти послѣднія покоятся въ современномъ обществѣ къ гораздо меньшей степени на земледѣліи, чѣмъ на капиталистической промышленности и, уже во всякомъ случаѣ, не на первобытномъ, обнищавшемъ земледѣліи.

Тогда русскій абсолютизмъ сосредоточилъ все свое вниманіе на томъ, чтобы возможно скорѣе наверстать упущенное. Онъ попытался создать крупную капиталистическую промышленность, предоставивъ въ ея распоряженіе энергичную государственную помощь.

Но такъ какъ государство жило земледѣліемъ, то это означало только поддержку промышленности на счетъ прогрессирующаго обложенія земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ и мирная индустріальная политика подобно военно-завоевательной стала орудіемъ разоренія и угнетенія сельскихъ хозяевъ, именно крестьянъ. И эта мирная, какъ и военная, политика повела къ увеличенію иностранной задолженности Россіи. Ибо ростъ внутренняго капитала казался русскому правительству слишкомъ медленнымъ; оно хотѣло стать въ теченіе короткаго времени независимымъ отъ Европы въ тѣхъ именно отрасляхъ промышленности, которыя являются самыми важными съ точки зрѣнія военнаго дѣла, т. е. въ дѣлѣ производства пушекъ и орудія, постройки желѣзныхъ дорогъ, кораблей, оборудованія ихъ и т. д. Но такъ какъ мѣстный капиталъ увеличивался слишкомъ медленно для организаціи предпріятій, требующихъ колоссальныхъ затратъ, то русское правительство въ послѣднія десятилѣтія употребляло всѣ усилія, чтобы привлечь въ Россію иностранные капиталы, которые и были помѣщены въ обширныхъ размѣрахъ въ угольномъ, желѣзодѣлательномъ и нефтяномъ производствахъ юга Россіи. Послѣдствіемъ такой политики оранжерейнаго выращиванія крупной индустріи, конечно, была не намѣченная независимость, а полное подчиненіе европейской биржѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что кредитъ является могучимъ рычагомъ развитія капиталистической промышленности. Если феодальный дворянинъ уменьшаетъ свои доходы и, наконецъ, разоряется благодаря тому, что, занявъ деньги у ростовщика, онъ долженъ платить проценты на занятыя деньги, то промышленный капиталистъ, одалживая деньги и уплачивая про-

центы, получаетъ громадную прибыль, такъ какъ онъ обращаетъ эти деньги, не какъ дворянинъ, на непроизводительное потребленіе, но даетъ имъ производительное назначеніе и онѣ приносятъ ему, кромѣ процентовъ на капиталъ, еще и прибыль.

Когда капиталистъ-предприниматель одалживаетъ деньги за 4% и пускаетъ ихъ въ оборотъ такъ, что они даютъ ему прибыль въ 10%, то онъ на этомъ дѣлѣ зарабатываетъ 6%. Въ этой формѣ, т. е. въ качествѣ денежнаго капитала, и иностранный капиталъ можетъ, конечно, стать средствомъ ускоренія въ отсталыхъ странахъ процесса возникновенія класса капиталистовъ.

Но для того, чтобы получить взаймы денежный капиталъ, нужно имѣть *кредитъ*, нужно имѣть хорошо поставленное предпріятіе, а этого какъ разъ Россія не имѣетъ. Конечно, иностранный капиталъ притекалъ въ милліардахъ въ Россію для содѣйствія ея промышленности, но только въ самой незначительной части какъ капиталъ, ссужаемый *русскимъ* капиталистамъ для основанія и расширенія крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Эти предпріятія въ гораздо большемъ количествѣ были основаны непосредственно иностранными капиталистами и остались въ ихъ обладаніи, такъ что въ ихъ карманы поступаютъ не только проценты на капиталъ, но и вся прибыль, а въ Россіи остается лишь заработная плата. Этотъ методъ привлеченія иностраннаго капитала послужилъ, въ сущности, только орудіемъ образованія сильнаго пролетаріата, но не сильнаго класса капиталистовъ внутри Россіи. Обнищаніе Россіи этимъ не только не было задержано, но, напротивъ, получило сильный толчокъ. Эта тенденція выступаетъ наиболѣе ясно и отчетливо въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. той именно изъ крупныхъ отраслей производства, которая вездѣ позже остальныхъ и въ самой слабой степени усваиваетъ новые, повышающіе производительность труда, способы производства, и которая въ то же время больше, чѣмъ какая-либо другая отрасль въ дѣлѣ примѣненія современныхъ пріемовъ и методовъ производства, зависитъ отъ интел-

лигентности населенія. Капитализмъ въ Россіи принесъ съ собою для крестьянъ не улучшенныя школы, не усовершенствованныя орудія и машины, не необходимыя на пріобрѣтенія искуственнаго удобренія средства, а единственно усиленную эксплоатацію; и, если въ Западной Европѣ ростъ эксплоатаціи крестьянъ государствомъ и капиталомъ совершался рука объ руку съ повышеніемъ производительности сельскохозяйственнаго труда, то въ Россіи, наоборотъ, ростъ эксплуатаціи крестьянъ, возникшей на почвѣ усиливающейся конкурренціи Россіи съ капиталистически развитыми націями, повлекъ за собой непрерывное понижение производительности земледѣлія; неурожаи все учащаются, а въ неурожайные годы, конечно, приносится въ жертву скотъ для спасенія людей отъ голодной смерти, что, въ свою очередь, обусловливаетъ недостатокъ удобренія, а слѣдовательно, ухудшенную обработку полей, паденіе земледѣлія и новые неурожаи, охватывающіе все болѣе обширную территорію; вмѣстѣ съ крестьяниномъ впадаетъ въ нищету и вся нація, ибо вмѣстѣ съ нимъ гибнетъ и весь внутренній рынокъ для русской индустріи, — единственный, которымъ она располагаетъ, такъ какъ ей не по силамъ конкурренція на міровомъ рынкѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, государство идетъ на встрѣчу банкротству, несмотря на тѣ огромныя естественныя богатства, о которыхъ мечтаютъ банкиры Западной Европы, когда они хотятъ положить къ стопамъ царя новые милліарды. Да! Если бы эти милліарды могли быть обращены на разработку этихъ богатствъ, а не на угнетеніе и истребленіе тѣхъ, которые одни только въ состояніи своимъ трудомъ превратить эти богатства въ цѣнности, которыя можно было бы обмѣнять на міровомъ рынкѣ на деньги.

Упадокъ земледѣлія наряду съ появленіемъ промышленнаго пролетаріата является главной пружиной переживаемой Россіей революціи. Тотъ же упадокъ земледѣлія привелъ государство на край финансоваго банкротства и для всѣхъ классовъ населенія создалъ крайне неудовлетворительныя и мучительныя

условія, въ которыхъ населеніе долѣе не можетъ отаваться, и, отъ которыхъ оно во что бы то ни стало должна освободиться разъ уже оно пришло въ движеніе.

III.

Рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Ближайшимъ средствомъ помочь крестьянамъ является увеличеніе ихъ земельныхъ владѣній. Въ этомъ согласны почти всѣ партіи. Но достаточно ли этого? Зачѣмъ крестьянину лишняя земля, если у него не хватаетъ скота и орудій, чтобы хорошо обработать даже его теперешній надѣлъ. Прирѣзка земли для него можетъ быть послужитъ временнымъ облегченіемъ, но вскорѣ къ нему опять вернется таже нужда. Если же желаютъ оказать крестьянину болѣе существенную помощь, то нужно принять мѣры, чтобы онъ былъ въ состояніи перейти къ болѣе интенсивной, болѣе раціональной культурѣ. Нужно предоставить въ его распоряженіе скотъ, орудія и удобреніе; нужно создать хорошія народныя школы, короче, нужно въ самомъ скоромъ времени и въ полной мѣрѣ дать крестьянину все то, въ чемъ ему въ теченіе долгихъ лѣтъ отказывалось, благодаря растущей задолженности государства, постоянному росту налоговъ и неспособности правительства справиться съ самыми скромными культурными задачами.

Только тотъ режимъ, который былъ бы въ силахъ эти задачи успѣшно разрѣшить, можетъ вернуть русскому крестьянскому хозяйству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему государству здоровый экономическій базисъ и, такимъ образомъ, положить конецъ революціи.

Можетъ ли это сдѣлать абсолютизмъ? Если бы это ему было подъ силу, то ему удалось бы еще разъ справиться съ революціей.

Если бы русское правительство обладало достаточнымъ умомъ и силой, чтобы стать крестьянскимъ правительствомъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ сдѣлалось имъ правительство Наполеона I-го, тогда оно было бы въ состоянiи снова укрѣпить абсолютистскiй режимъ. Вѣдь, крестьянинъ въ сущности очень мало заинтересованъ въ политической свободѣ нацiи. Его интересы въ обыкновенное время не заходятъ дальше деревенскихъ отношенiй. Поэтому, если бы крестьяне увидѣли, что правительство заботится объ ихъ экономическихъ потребностяхъ, они снова сплотились вокругъ него.

Но это къ счастью невозможно. Наполеону I удалось при помощи крестьянъ и армiи, набранной изъ послѣднихъ, измѣннически задушить политическую свободу Францiи только потому, что онъ былъ *наслѣдникомъ революцiи* и что революцiя уже раньше удовлетворила крестьянъ, а онъ только выступилъ защитникомъ того, что крестьяне успѣли завоевать во время революцiи и посредствомъ революцiи.

Даже самый энергичный и дальновидный монархъ не можетъ подавить революцiи тѣмъ, что онъ самъ возьмется за осуществленiе ея экономическихъ цѣлей. Онъ долженъ былъ бы для этого превзойти не только въ дальновидности, но и въ силѣ весь господствующiй классъ, въ средѣ котораго онъ живетъ и на счетъ котораго только и можетъ быть достигнута экономическая цѣль революцiи. Но, если бы даже было возможно, чтобы отдѣльная личность вполнѣ ясно и отчетливо представляла себѣ дѣйствительность какъ разъ обратно тому, какъ она понимается окружающей средой, въ которой она вращается съ дѣтскихъ лѣтъ, то не найдется ни одного человѣка, который бы сумѣлъ настолько стать выше окружающихъ его, чтобы одному дать отпоръ всей своей средѣ: еслибъ ы, далѣе, и нашлась такая личность, то, несомнѣнно, при первой ея попыткѣ вступить въ соглашенiе съ революцiей, вѣрные слуги абсолютизма не замедлили бы устранить ее съ своего пути.

Но отъ русскаго правительства нельзя ожидать даже и по-

пытки въ какомъ-либо вопросѣ вступить въ противорѣчіе съ той средой, на которую оно опирается. Напротивъ, русское правительство старательно избѣгаетъ всего, что могло бы хотя до нѣкоторой степени облегчить крестьянамъ ихъ бѣдственное положеніе. Оно ограничивается въ отношеніи крестьянъ только пустыми обѣщаніями и жалкими заплатами. Но уже прошли тѣ времена, когда крестьянина можно было поймать на этомъ. Одного уже, во всякомъ случаѣ, добилась революція въ деревнѣ, а именно того, что крестьянинъ не довольствуется словами, а оцѣниваетъ отдѣльныя партіи по ихъ дѣламъ. Но въ чемъ выразилась дѣятельность правительства, которое крестьянинъ отождествляетъ съ личностью царя? Подати повысились, но губерніи, въ которыхъ неурожай породилъ голодъ, не получили помощи. Школы и больницы закрываются вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, желѣзныя дороги приходятъ въ упадокъ, такъ какъ ихъ подвижной составъ не обновляется, ибо правительству деньги нужны на армію, съ которой оно ведетъ войну противъ собственнаго народа. Со времени нашествія Наполеона русскій крестьянинъ не видѣлъ внутри страны непріятельскихъ солдатъ, а теперь въ странѣ хозяйничаютъ отряды русскихъ солдатъ, какъ хозяйничали нѣкогда татары.

Къ тому же, заманчивыя обѣщанія, которыя давались крестьянамъ и которыя время отъ времени наполняли ихъ радостными надеждами на окончательное избавленіе,—всѣ эти обѣщанія оказались жалкимъ миражемъ, раскрытіе котораго сдѣлало положеніе крестьянина вдвойнѣ нестерпимымъ и довело его озлобленіе до крайнихъ предѣловъ. Дума, въ которой крестьянинъ видѣлъ избавительницу въ нуждѣ, была распущена, а его права на участіе въ выборѣ второй Думы, которая теперь должна быть созвана, сильно урѣзаны. Въ виду всего этого, нѣтъ ничего удивительнаго, если прежняя безграничная преданность крестьянъ правительству уступила мѣсто столь же безграничному недовѣрію.

Но могутъ ли либералы питать надежду привлечь кресть-

янъ на свою сторону на болѣе продолжительное время? Конечно они предлагаютъ имъ то, что больше всего интересуетъ крестьянъ: прирѣзку земли. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, требуютъ экспропріаціи крупной земельной собственности и раздѣла ея между крестьянами. Но за какую цѣну? Земельная собственность, по ихъ словамъ, должна быть насколько возможно щадима, т. е. земельные собственники должны быть вполнѣ вознаграждены. Но кто долженъ ихъ вознаградить? Кто же другой, какъ не крестьянинъ, либо непосредственно въ видѣ уплаты имъ процентовъ на сумму, за которую онъ выкупитъ у помѣщика землю, либо косвенно въ томъ случаѣ, если уплату вознагражденія земельнымъ собственникамъ приметъ на себя *государство.* Но тогда уплата процентовъ на выкупную сумму падетъ, въ концѣ концовъ, въ формѣ новыхъ налоговъ все-таки на крестьянъ вмѣстѣ съ пролетаріями. Что же выиграли бы крестьяне благодаря увеличенію ихъ земельныхъ надѣловъ? Ничего, такъ какъ увеличенный доходъ съ земли попалъ бы въ формѣ процентовъ или налоговъ въ руки теперешнихъ же крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Во многихъ случаяхъ даже и по внѣшности ничего бы не измѣнилось, потому что уже и теперь масса крестьянъ помимо своихъ надѣловъ обработываютъ также земли крупныхъ помѣщиковъ въ качествѣ арендаторовъ. Если бы крестьяне стали собственниками той земли, которую они теперь арендуютъ, и вмѣсто арендной платы платили бы новые налоги, то развѣ ихъ положеніе улучшилось бы? Только при *конфискаціи* крупной земельной собственности возможно значительное увеличеніе земельныхъ владѣній крестьянъ безъ обремененія ихъ новыми налогами. Безспорно, экспропріація отдѣльнаго слоя господствующаго класса безъ уплаты вознагражденія является суровой мѣрой. Но выбора нѣтъ. Обнищаніе крестьянства подвинулось слишкомъ далеко, чтобы возможно было взвалить на него выкупную цѣну земли. Если бы либеральные помѣщики во время обнаружили достаточно энергіи и способности поступиться иногда своими интересами,

чтобы провести политическія формы и государственную политику, которыя бы сдѣлали возможной миролюбивую сдѣлку съ крестьянствомъ, когда послѣднее было еще платежеспособно, то они могли бы надѣяться спасти свою земельную ренту въ той или иной формѣ. Въ настоящее время для этого уже слишкомъ поздно. Впрочемъ, они не имѣютъ основанія очень ужъ жаловаться. Ихъ предки прекрасно сумѣли обмануть крестьянъ при уничтоженіи крѣпостничества, а съ того времени пользовались ихъ бѣдственнымъ положеніемъ для самаго беззастѣнчиваго ростовщичества, и, такимъ образомъ, ни разу не проявили по отношенію къ крестьянству ни малѣйшаго чувства жалости и вниманія. Конфискація крупной земельной собственности неизбѣжна, если хотятъ дѣйствительно помочь крестьянамъ. Но противъ конфискаціи рѣшительно возстаютъ либералы, и только соціалистическія партіи не останавливаются передъ нею.

Но съ увеличеніемъ земельныхъ надѣловъ крестьянъ русскій аграрный вопросъ еще далеко не можетъ считаться разрѣшеннымъ. Мы уже видѣли, что крестьянинъ нуждается не только въ землѣ, но и въ знаніяхъ и въ деньгахъ. Разрушеніе русскаго сельскаго хозяйства нисколько не будетъ остановлено тѣмъ, что земля немного иначе будетъ распредѣлена. Напротивъ. Если крупныя хозяйства, въ которыхъ во многихъ случаяхъ хозяйство велось раціонально, будутъ разрушены и на ихъ мѣсто возникнутъ примитивныя крестьянскія хозяйства безъ оборотнаго капитала, то паденіе русскаго земледѣлія пойдетъ еще быстрѣе, если одновременно не будутъ приняты энергичныя мѣры для поднятія умственнаго уровня крестьянства и увеличенія крестьянскихъ капиталовъ. Но это невозможно безъ коренного преобразованія всей современной политической системы, которая въ теченіе двухъ столѣтій подтачивала народное благосостояніе; чѣмъ глубже заложены корни этой нищеты, прогрессирующей подъ вліяніемъ абсолютизма, тѣмъ энергичнѣе должно быть вмѣшательство въ существующій государственный строй и имущественныя отношенія, чтобы хоть нѣсколько по-

мочь народной нуждѣ. Безъ уничтоженія постояннаго войска, безъ отказа отъ сооруженія новаго флота, безъ конфискаціи удѣльныхъ и монастырскихъ имѣній, безъ государственнаго банкротства, безъ конфискаціи наиболѣе значительныхъ изъ частныхъ монополій:—желѣзныхъ дорогъ, нефтяныхъ промысловъ, рудниковъ, горныхъ заводовъ и т. п.—не могутъ быть добыты громадныя суммы, въ которыхъ нуждается русское земледѣліе, чтобы выйти изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ оно очутилось. Что либералы спасовали передъ такими колоссальными задачами, такимъ рѣшительнымъ переворотомъ въ существующихъ имущественныхъ отношеніяхъ, это ясно.

Въ сущности, они хотятъ только продолжать существующую политику, не посягая на тѣ устои, на которыхъ основана эксплоатація Россіи иностранными капиталами. Они крѣпко держатся за постоянное войско, которое одно въ ихъ глазахъ можетъ поддержать порядокъ и спасти ихъ собственность, и хотятъ добыть для Россіи новыя средства путемъ новыхъ займовъ, что невозможно, если не будутъ уплачиваться аккуратно проценты по старымъ займамъ. Въ настоящее время милитаризмъ и уплата процентовъ по государственнымъ займамъ поглощаютъ 2 миллiарда марокъ. Эти громадныя суммы либералы хотятъ изъ года въ годъ выкачивать изъ русскаго народа и думаютъ разрѣшить одновременно всѣ тѣ огромныя культурныя задачи, отъ рѣшенія которыхъ отказался и долженъ былъ отказаться абсолютизмъ. чтобы быть въ состояніи покрывать затраты на милитаризмъ и уплату процентовъ по государственнымъ займамъ.

Они думаютъ, что достаточно созвать новую Думу, чтобы выколдовать изъ/ земли миллiарды. Они часто ссылаются, но не всегда съ достаточнымъ основаніемъ, на французскую революцію.

Отношенія въ современной Россіи во многихъ случаяхъ совсѣмъ другія, чѣмъ это было во Франціи въ 1789 г. Но разница заключается не въ томъ, что русскія отношенія требуютъ

менѣе рѣшительныхъ мѣръ, чѣмъ французскія. Напротивъ Франція не была въ такой задолженности у иностранцевъ, она не страдала отъ такого недостатка въ капиталѣ, ея народное образованіе, земледѣліе и промышленность не были по сравненію съ остальной Европой въ такомъ отсталомъ состояніи, какъ въ Россіи. И, все таки, національное собраніе Франціи не могло спасти ее отъ государственнаго банкротства и конфискацій, и если, тѣмъ не менѣе, Франція могла сохранить свое военное могущество, то этимъ она обязана была своимъ побѣдоноснымъ революціоннымъ войнамъ, давшимъ ей возможность ограбить полъ-Европы и, такимъ образомъ, раздобыть деньги на военныя затраты.

Русская революція не можетъ разсчитывать удовлетворить такимъ способомъ свою потребность въ деньгахъ. Она должна уничтожить постоянное войско, если она желаетъ удовлетворить крестьянство. Но это такъ же невозможно для либерализма, какъ и для абсолютизма.

Если бы даже либерализму удалось временно взять власть въ свои руки, то онъ, конечно, очень скоро бы выдохся. Эта участь постигнетъ его потому, что въ рядахъ его очень мало энергичныхъ демократическихъ элементовъ; единственный классъ, на который либерализмъ могъ бы опереться всецѣло—это классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, классъ, либерализмъ котораго, естественно, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ, чѣмъ больше выступаетъ на первый планъ аграрный вопросъ.

IV.

Либерализмъ и соціалъ-демократія.

Русскій либерализмъ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ западно-европейскій, и уже поэтому было бы глубоко ошибочно разсматривать великую французскую революцію, какъ прообразъ русской революціи.

Передовымъ классомъ въ революціонныхъ движеніяхъ Западной Европы была мелкая буржуазія, и прежде всего, мелкая буржуазія большихъ городовъ. Благодаря своему (неоднократно уже отмѣченному историками) двойственному положенію представительницы, съ одной стороны, труда, съ другой—собственности, она стала связывающимъ звеномъ между пролетаріатомъ и классомъ капиталистовъ, соединила оба эти класса для общей борьбы въ формѣ буржуазной демократіи, которая отсюда именно и почерпнула свою побѣдоносную силу.

Мелкій буржуа чувствовалъ себя будущимъ капиталистомъ и въ качествѣ таковаго отстаивалъ интересы подымающагося капитала. Но онъ въ то же время служилъ образцомъ для пролетарія, который обыкновенно по происхожденію принадлежалъ къ мелкобуржуазнымъ кругамъ и не обладалъ еще самостоятельнымъ классовымъ сознаніемъ, добиваясь только свободы и возможности пробраться въ ряды мелкой буржуазіи. При этомъ мелкая буржуазія была самымъ многочисленнымъ, самымъ интеллигентнымъ и экономически самымъ вліятельнымъ среди классовъ, составлявшихъ массу населенія въ городахъ. Самые же города еще со времени среднихъ вѣковъ служили средоточіемъ руководящихъ классовъ. Города подчинили себѣ и эксплоатировали деревню и въ этомъ процессѣ подчиненія и эксплоатаціи деревни видное участіе принимала мелкая буржуазія, поскольку послѣдней удалось подорвать сельское ремесло и въ то же время устоять самой противъ порабощенія со стороны князей и городской аристократіи.

Обо всемъ этомъ въ Россіи не было и помину. Города, слабые и малочисленные, по большей части возникли очень поздно и не добились ни разу такого вліятельнаго положенія, какъ въ Западной Европѣ; а главная масса городского населенія не отдѣлилась отъ крестьянства и не сумѣла подчинить его себѣ какъ въ Европѣ.

Городскіе ремесленники, по большею частью, были изъ крестьянъ; крѣпостничество и холопство съ ихъ политической без-

помощностью налагали свою печать какъ на городъ, такъ и на деревню.

Только послѣ уничтоженія крѣпостнаго права въ городскихъ народныхъ массахъ стали развиваться зародыши политическихъ интересовъ, но это произошло въ послѣднія десятилѣтія 19 ст., какъ разъ, въ такое время, когда въ самой Западной Европѣ руководящая революціонная роль мелкой буржуазіи была окончательно сыграна. На одной сторонѣ сдѣлался самостоятельнымъ и сильно окрѣпъ пролетаріатъ, на другой—образовалась громадная пропасть между мелкой буржуазіей и капиталомъ. Въ глазахъ мелкой буржуазіи капиталисты не тотъ классъ, до котораго онъ самъ надѣется подняться, но классъ, который его угнетаетъ и разоряетъ; въ наемныхъ же рабочихъ онъ видитъ тѣ элементы, которые своими требованіями ускоряютъ этотъ процессъ. Онъ не представляетъ собой демократію, объединяющую капиталистовъ и рабочихъ въ общей политической борьбѣ но классъ, разочаровавшійся въ демократіи, который одинаково враждебенъ какъ пролетаріату, такъ и капиталистамъ, и вслѣдствіе этого легко попадаетъ въ сѣти каждаго реакціоннаго обманщика, который не скупится на заманчивыя обѣщанія. Благодаря этому, мелкая буржуазія Западной Европы дѣлается все реакціоннѣе и ненадежнѣе, несмотря на ея революціонныя традиціи. Мелкая буржуазія Россіи вступаетъ въ политическое движеніе, лишенная этихъ традицій и подъ сильнымъ вліяніемъ того же экономическаго положенія, которое существуетъ и въ Западной Европѣ. Она поэтому проявляетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ западно-европейская, склонность къ антисемитизму и реакціи, къ безхарактерной расплывчатости, которая за плату готова на все, къ той роли, которую въ западно-европейскихъ революціяхъ игралъ люмпенпролетаріатъ, къ которому она все болѣе духовно приближается и съ которымъ она въ Россіи охотно заодно дѣйствуетъ. При дальнѣйшемъ развитіи революціи она можетъ быть втянута въ болѣе значительной степени въ оппозиціонное движеніе, но надеж-

ной опорой революціоннымъ партіямъ она никогда служить не будетъ.

Поэтому Россіи недостаетъ позвоночнаго столба буржуазной демократіи, недостаетъ класса, который могъ бы спаять въ одну демократическую партію буржуазію и пролетаріатъ въ ихъ общей борьбѣ за политическую свободу. Въ Россіи классъ капиталистовъ и пролетаріевъ стояли другъ противъ друга еще до начала революціонной борьбы.

Для тѣхъ и другихъ опытъ Запада не пропалъ даромъ. Пролетаріатъ выступилъ на политическую арену не какъ часть только демократической партіи, но какъ соціалдемократія, а классъ капиталистовъ дрожитъ передъ малѣйшимъ самостоятельнымъ движеніемъ пролетаріата; его главная забота—сильное правительство.

Ядро либеральной партіи въ Россіи образовали крупные земельные собственники — кромѣ, конечно, собственниковъ латифундій — именно тотъ классъ, противъ котораго прежде всего обратился либерализмъ въ Западной Европѣ. Но въ Россіи обновленный абсолютизмъ въ противоположность Западной Европѣ принесъ сельское хозяйство въ жертву капитала. Тотъ самый процессъ, который имѣлъ мѣсто въ Западной Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ въ самомъ началѣ развитія абсолютизма, именно процессъ подчиненія деревни городамъ усиленно поощрялся абсолютистскимъ режимомъ въ Россіи 19-го стол. и это замѣтно толкнуло земельное дворянство въ оппозицію. Это оппозиціонное положеніе земельнаго дворянства было тѣмъ удобнѣе для него, что интересы его не приходили въ непосредственное столкновеніе съ интерессами пролетаріата, этимъ вторымъ оппозиціоннымъ классомъ, подобно интерессамъ промышленнаго капитала. Пока крестьянство оставалось спокойнымъ, русскій земельный собственникъ могъ позволить себѣ роскошь либерализма точно такъ же, какъ нѣкогда тори въ Англіи и нѣкоторые прусскіе юнкера въ началѣ индустріализма позволяли окружать себя ореоломъ дружбы къ рабочимъ. И долго крестьянство оста-

валось спокойнымъ. Сельское хозяйство замѣтно приходило въ упадокъ, крестьяне погружались въ нищету, голодъ за голодомъ уменьшалъ ихъ ряды — крестьянство оставалось преданнымъ Богу и правительству. Иногда крестьяне устраивали бунты, но они всегда вызывались какими-нибудь чрезвычайными злоупотребленіями, а не недовольствомъ всей господствующей системой, которую они и не считали источникомъ этихъ злоупотребленій.

Но во второй половинѣ 19-го ст. мало по малу стало подготовляться измѣненіе крестьянскаго мышленія и чувствованія на почвѣ преобразованія экономическихъ отношеній. Деревня оказалась затронутой міровымъ обмѣномъ, который вынесъ ея продукты на міровой рынокъ. Изолированность деревни мало по малу исчезала.

Всеобщая воинская повинность приводила сыновей ея въ большой городъ, гдѣ они получали новыя впечатлѣнія и пріобрѣтали новыя потребности. Наконецъ, многіе безземельные крестьяне и крестьянскія дѣти устремились на фабрики и заводы и, такимъ образомъ, вступили въ пролетарскую классовую борьбу, впечатлѣніями которой они дѣлились на родинѣ со своими деревенскими родичами.

Такъ мало по малу было расшатано основаніе, на которомъ укрѣплялся русскій абсолютизмъ, но необходимъ былъ еще сильный ударъ, который бы разрушилъ окончательно это основаніе. Этотъ ударъ былъ нанесенъ японской войной и возникшимъ въ связи съ нею движеніемъ городского пролетаріата. Эти два факта, которые 30 лѣтъ тому назадъ прошли бы безслѣдно для русскаго крестьянина, теперь нашли въ немъ живой отголосокъ. Онъ проснулся и понялъ, что пробилъ наконецъ часъ положить конецъ угнетающей его нищетѣ. Нужда его больше не подавляетъ, а, напротивъ, возбуждаетъ къ борьбѣ.

Поставленный внезапно въ новыя условія, крестьянинъ почуялъ въ правительствѣ, руководству котораго онъ до сихъ поръ слѣпо довѣрялся, врага, котораго нужно низвергнуть. Онъ

не можетъ допускать больше, чтобы за него думали другіе, онъ долженъ самъ думать, напречь всѣ свои умственныя способности, энергію, всю рѣшимость и откинуть всѣ предразсудки, чтобы устоять въ томъ ужасномъ водоворотѣ, въ который онъ ввергнутъ обстоятельствами. Тотъ переворотъ, который въ англосаксонскихъ крестьянахъ и горожанахъ 17—19 стол. произвела эмиграція, въ рускихъ крестьянахъ начала 20-го столѣтія вызвала гораздо быстрѣе и стремительнѣе руская революція, превратившая добродушныхъ, сонливыхъ, непривыкшихъ думать людей рутины въ энергичныхъ, неутомимыхъ и неусыпныхъ борцовъ за новое и лучшее.

Это поистинѣ удивительное превращеніе, конечно, создаетъ прочное основаніе для обновленнаго русскаго земледѣлія, возникающаго на развалинахъ стараго, но оно въ то же время представляетъ самую надежную гарантію конечнаго торжества революціи.

Между тѣмъ, чѣмъ революціоннѣе становится крестьянинъ, тѣмъ реакціоннѣе дѣлается крупный земельный собственникъ, тѣмъ все болѣе либерализмъ лишается въ послѣднемъ той опоры, которую онъ до сихъ поръ въ немъ имѣлъ, тѣмъ все неустойчивѣе становится либеральная партія, тѣмъ все въ большей степени либерализмъ городскихъ профессоровъ и адвокатовъ перемѣщается вправо, дабы не утратить окончательно связи съ земскими либералами.

Этотъ процессъ можетъ временно повести къ усиленію реакціи, но онъ не можетъ на продолжительное время остановить революціи. Онъ ускоряетъ только банкротство либерализма. Онъ неизбѣжно все больше толкаетъ крестьянъ въ объятія тѣхъ партій, которыя энергично и самоотверженно защищаютъ его интересы и которыя не позволяютъ запугать себя либеральными сомнѣніями, т. е. въ объятія соціалистическихъ партій; чѣмъ дольше продолжается революція, тѣмъ больше этотъ процессъ увеличиваетъ въ деревнѣ вліяніе революціонныхъ партій. Онъ, наконецъ, можетъ привести къ тому, что соціалдемократія станетъ пред-

ставительницей массъ населенія и вслѣдствіе этого партіей-побѣдительницей.

V.

Пролетаріатъ и его союзникъ въ революціи.

Здѣсь можетъ быть будетъ умѣстно въ видѣ заключенія высказаться по поводу анкеты, произведенной моимъ другомъ Плехановымъ среди не-русскихъ товарищей относительно характера русской революціи и тактики, какой слѣдуетъ держаться русскимъ соціалистамъ.

Собственно говоря, я имѣю въ виду сдѣлать здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній въ связи съ поставленными анкетой вопросами, но не собираюсь дать точные отвѣты на послѣдніе. Если я думаю что мое почти тридцатилѣтнее тѣсное общеніе съ выдающимися представителями революціоннаго движенія Россіи даетъ мнѣ нѣкоторое право подѣлиться моими выводами относительно этого движенія съ моими *нѣмецкими* товарищами, то по отношенію къ *русскимъ* товарищамъ я чувствую себя въ положеніи лишь *ученика*, поскольку рѣчь идетъ о русскихъ дѣлахъ. Съ другой стороны, для насъ западно-европейскихъ соціалистовъ крайне необходимо составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о русской революціи, такъ какъ она имѣетъ значеніе не мѣстнаго, а международнаго событія, и отъ того, какъ мы будемъ ее понимать, зависитъ въ очень высокой степени и то, какъ мы будемъ представлять себѣ текущія тактическія задачи нашей собственной партіи.

Въ то же время у меня рѣшительно нѣтъ никакихъ оснований скрывать свое мнѣніе, если русскіе товарищи желаютъ его знать.

Опросный листъ Плеханова содержитъ слѣдующіе три вопроса:

I. Каковъ общій характеръ русской революціи? Находимся ли мы передъ лицомъ буржуазной или соціалистической революціи?

II. Въ виду отчаянныхъ усилій русскаго правительства подавить революціонное движеніе, какую позицію слѣдуетъ занять соціалъ-демократической партіи по отношенію къ буржуазной демократіи, которая по своему борется за политическую свободу?

III. Какой тактики нужно придерживаться соціалъ-демократической партіи при выборахъ въ Думу, чтобы безъ нарушенія амстердамской резолюціи использовать силы буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій въ борьбѣ противъ нашего „ancien regime“?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ нельзя, по моему мнѣнію, дать просто утвердительный или отрицательный отвѣтъ.

Эпоха *буржуазныхъ* революцій, т. е. революцій, двигателемъ которыхъ явилась буржуазія, миновала даже и для Россіи.

И здѣсь пролетаріатъ не представляетъ болѣе собой простого придатка и орудія буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ буржуазныхъ революціяхъ, но является самостоятельнымъ классомъ съ самостоятельными революціонными цѣлями. Но тамъ, гдѣ пролетаріатъ выступаетъ именно въ такой формѣ, буржуазія перестаетъ быть революціоннымъ классомъ. Русская буржуазія, поскольку она, вообще, проводитъ самостоятельную классовую политику и поскольку она либеральна, ненавидитъ, правда, абсолютизмъ, но еще больше она ненавидитъ революцію; да и абсолютизмъ ненавидитъ она, прежде всего, потому, что она видитъ въ немъ главную причину революціи, и, поскольку она добивается политической свободы, она это дѣлаетъ потому, что видитъ въ ней единственное средство положить конецъ революціи.

Буржуазія, поэтому, не принадлежитъ къ движущимъ силамъ настоящаго революціоннаго движенія въ Россіи, и въ этомъ смыслѣ послѣднее нельзя назвать буржуазнымъ. Но въ то же время отсюда вовсе не слѣдуетъ, что русскую революцію

нужно считать соціалистической. Русская революція ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести пролетаріатъ къ самостоятельному захвату власти, къ диктатурѣ.

Для этого русскій пролетаріатъ слишкомъ слабъ и мало развитъ. Во всякомъ случаѣ, очень возможно, что при дальнѣйшемъ ходѣ революціи побѣда достанется соціалъ-демократической партіи и, послѣдняя поэтому хорошо дѣлаетъ, если внушаетъ своимъ сторонникамъ увѣренность въ побѣдѣ, такъ какъ нельзя успѣшно бороться, заранѣе отказавшись отъ побѣды. Но соціалъ-демократія не въ силахъ одержать побѣду только при помощи пролетаріата, безъ содѣйствія другого класса; поэтому, даже въ случаѣ побѣды она не сумѣетъ въ осуществленіи своей программы пойти дальше, чѣмъ это допускаютъ интересы класса, поддерживающаго пролетаріатъ.

Но на какой классъ долженъ опереться русскій пролетаріатъ въ своей революціонной борьбѣ? Если разсматривать политическое положеніе только на его поверхности, то можно было бы притти къ выводу, что всѣ тѣ классы и партіи, которые добиваются политической свободы, должны просто соединить свои силы, чтобы добиться ея, а свои разногласія разрѣшить тогда, когда будетъ завоевана политическая свобода. Но всякая политическая борьба, въ сущности, является классовой, и, слѣдовательно, экономической борьбой. Политическіе интересы суть результатъ экономическихъ.

Народныя массы подымаются, чтобы оградить эти послѣдніе, а не для того, чтобы провести въ жизнь абстрактныя политическія идеи. Кто хочетъ воодушевить народныя массы на политическую борьбу, тотъ долженъ имъ указать, какъ тѣсно связана эта борьба съ ихъ экономическими интересами. Эти послѣдніе ни на одинъ моментъ не должны отступать на задній планъ, если не желаютъ вовсе остановить борьбу за политическую свободу. Союзъ пролетаріата съ другимъ классомъ въ революціонной борьбѣ долженъ опираться на *общность экономическихъ интересовъ*, если онъ желаетъ быть прочнымъ и

побѣдоносным. На такого рода общности интересовъ должна быть построена тактика и русской соціалъ-демократіи.

Но дѣйствительная общность интересовъ на все время революціонной борьбы существуетъ только между пролетаріатомъ и крестьянствомъ. Она должна лечь въ основаніе всей революціонной тактики соціалъ-демократіи Россіи.

Совмѣстныя дѣйствія съ либералами могутъ быть рекомендованы только тамъ и лишь въ той мѣрѣ, въ какой этимъ не нарушается совмѣстная работа съ крестьянствомъ.

Въ общности интересовъ промышленнаго пролетаріата и крестьянства заложена революціонная сила русской соціалъ-демократической партіи и возможность ея побѣды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и границы возможности использованія побѣды.

Безъ крестьянства мы въ Россіи не скоро можемъ побѣдить.

Однако нельзя ожидать, что крестьяне станутъ соціалистами. Соціалистическій строй можетъ быть возведенъ только на почвѣ крупнаго производства; онъ слишкомъ противорѣчитъ условіямъ мелкаго хозяйства для того, чтобы возникнуть и прочно утвердиться при преобладаніи крестьянскаго населенія. Послѣ того, какъ соціализму удастся утвердиться въ крупной промышленности и сельскохозяйственномъ крупномъ производствѣ, онъ можетъ разсчитывать убѣдить мелкаго крестьянина силой своего примѣра и побудить его къ подражанію, но онъ не можетъ опираться на него въ самомъ началѣ.

А въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отсутствуютъ интеллектуальныя и матеріальныя условія для этого. Коммунизмъ русской деревни сводится лишь къ общему владѣнію землей и никоимъ образомъ не обозначаетъ общности производства. Немыслимо перевести прямо современное товарное производство на почвѣ деревенской общины въ высшій способъ производства. Для этого, по меньшей мѣрѣ, необходимы рамки большого государства, а къ производству на національномъ основаніи русскій сельскій производитель, конечно, еще недостаточно подготовленъ. Настоящая революція можетъ лишь при-

вести въ деревнѣ къ возникновенію сильнаго крестьянства на почвѣ частной земельной собственности и къ образованію такой же пропасти между пролетаріатомъ и имущей частью земледѣльческаго населенія, какая существуетъ уже въ Западной Европѣ. Поэтому, представляется немыслимымъ, чтобы переживаемая Россіей революція привела теперь же къ водворенію въ Россіи соціалистическаго способа производства, даже если бы она временно вручила кормило власти соціалъ-демократіи.

Но, правда, на этомъ пути насъ, можетъ быть, ждутъ и нѣкоторыя неожиданности. Мы не знаемъ, какъ долго еще будетъ продолжаться русская революція, а по тѣмъ формамъ, которыя она въ настоящее время приняла, революція, повидимому, еще далека отъ своего конца. Мы не знаемъ далѣе, какое вліяніе окажетъ она на Западную Европу и какъ она оплодотворитъ тамъ пролетарское движеніе. Наконецъ, мы уже вовсе не можемъ знать, какъ обусловленныя русской революціей завоеванія западно-европейскаго пролетаріата обратно отразятся на русскомъ пролетаріатѣ. Мы поступимъ правильно, поэтому, если освоимся съ мыслью, что мы идемъ тутъ на встрѣчу совершенно новымъ положеніямъ и новымъ проблемамъ, къ которымъ нельзя подходить ни съ однимъ изъ старыхъ шаблоновъ.

Мы можемъ лучше всего оцѣнить правильно русскую революцію и задачи, которыя она намъ ставитъ, если мы будемъ ее разсматривать не какъ буржуазную въ обычномъ смыслѣ, и не какъ соціалистическую, а какъ совершенно своеобразный процессъ, который совершается на рубежѣ буржуазнаго и соціалистическаго общества и способствуетъ разрушенію перваго и подготовленію втораго и, во всякомъ случаѣ, заставляетъ современное капиталистическое общество сдѣлать на пути его дальнѣйшаго развитія громадный шагъ впередъ.
